

УДК 124.5

ВАЛЮАТИВ: ОПЫТ СТРУКТУРНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Коротченко Ю.М.

В статье репрезентирован новый объект - валюатив, определенный как комплексная целостность, характеризующаяся рядом идентификационных показателей и как организующий оценочные процессы центр. Систематически задается структура валюатива, дана характеристика конструкта сверхчеловека как прецедента валюатива.

Ключевые слова: оценка, оценочные процессы, валюатив, валюатив сверхчеловека

Объект исследования: оценочные процессы в социуме. **Цель** исследования: определить структуру и социальную роль валюатива как централизирующего и организующего начала оценочных процессов в обществе. **Новизна:** представляется новый объект – валюатив, обладающий комплексной структурой, которая включает в себя ценности, нормы, пантеоны героев, язык описания, культуру и искусство, идеологию.

Актуальность, степень разработанности и постановка проблемы. Ушедший XX век был отмечен многими ставшими фатальными для человечества конфликтами. Среди последних конфликт между динамично развивавшимся естествознанием и лишь становящимися в своем развитии общественными науками, дающими людям ориентиры социального поведения, по нашему убеждению, имел действительно глобальные следствия. «Ничто человеческое» не обходится без оценки. Обществознание и гуманитаристика в целом - пронизаны оценочностью, имеют дело с оценочной реальностью, конструируют оценки и оценочные тексты. В этой связи любое существенное уточнение концепта оценки раздвигает границы управления социальными явлениями и процессами, будучи, таким образом, остро актуальным.

Актуальность рассматриваемой здесь темы детерминирована также и теоретически. В литературе, посвященной аналитике оценки, преобладают разрозненные частные исследования, преимущественно описательного характера. Доминируют лингвистические, психологические и правоведческие исследования. В силу отраслевого характера в них представлены в своем большинстве лишь частные стороны оценочных явлений и процессов: те, которые присутствуют только в отдельных случаях использования всякий раз других естественных языков (см.[1], [2]); или же это оценки, взятые в качестве только психологических детерминант поведения (классическая работа А. Маслоу, например[3]).

Представляют, в следствие своей социальной значимости, особый интерес исследования систем оценок как организующего центра для различных общественных структур. Здесь отдельную нишу занимают оценки, закрепленные в

правовых нормах ([4],[5],[6]). Именно нормы, прежде всего правовые, выделяются в качестве наиболее систематически и явно зафиксированных регуляторов социальной жизни. Обратимся к определениям. Например, встречаются следующие определения социальной нормы: «руководящее начало, правило поведения, связанное с сознанием и волей людей, возникающее в процессе культурного развития и социальной организации общества» [7, с. 243]; «Социальные нормы - это правила, выражающие требования общества, социальной группы к поведению личности, группы в их взаимоотношениях друг с другом, социальными институтами, обществом в целом. Регулирующее воздействие норм состоит в том, что они устанавливают границы, условия, формы поведения, характер отношений, цели и способы их достижения. Вследствие того, что нормы предусматривают и общие принципы поведения, и конкретные его параметры, они могут давать более полные модели, эталоны должного нежели другие ценности» [8].

В [9] дается определение правовой нормы: «Норма права - это установленное или санкционированное государством, обеспеченное государственной защитой, общеобязательное, формально-определенное правило общего характера, выступающее всеобщим регулятором социальных взаимодействий».

При этом объектом исследования является правовая норма сама по себе, вне ее оценочной интерпретации. Оценочные же процессы и явления общественной жизни остаются вне поля анализа как самостоятельный объект изучения. Именно это обстоятельство объясняет первоначальное впечатление достаточности норм для организации социальных структур, предполагающих оценочные процессы. Однако, если взглянуть в структуру таких социальных объектов, то несложно будет увидеть, что, помимо собственно норм, данных в виде высказываний о правилах поведения в сообществе, последнее руководствуется чем-то гораздо более сложным, являющимся оценочным по своей сути (т.е. квалифицирующим любой объект как, в конечном счете, хороший или плохой и поэтому подходящий для этой структуры или нет соответственно). В каждом таком сообществе, кроме норм, безусловно, есть набор ценностей, среди которых выделяются базовые, свои традиции, герои и антигерои, культура и искусство, идеология, – которые в своей совокупности организуют некое сообщество и делают его относительно устойчивым. Каждый из перечисленных аспектов соотносим с оценкой любого объекта как хорошего или плохого с точки зрения соответствия или несоответствия этому аспекту. Однако для организации сообщества в целом отдельных факторов недостаточно, как, например, недостаточно одних только норм. Это видно, прежде всего, из определений норм, исследований их происхождения, восходящего к культурным стандартам, обычаям и т.п. Таким образом, кристаллизуется проблема организующего оценочные процессы в обществе центра, обеспечивающего относительную устойчивость как небольшим группам людей (корпорации, отдельные социальные институты), так и максимально крупным, таким, как, скажем, цивилизации.

Одним из наиболее концептуально целостных исследований такой структуры стала концепция социального сообщества Т. Парсонса, который основывался в своих изысканиях, прежде всего, на понятиях социального действия и идеального типа М. Вебера и на идее коллективного сознания Э. Дюркгейма.

Парсонс, в работе «Система современных обществ» в обществе, наряду с культурой, экономикой и политикой выделяет некую интегрирующую все эти

подсистемы структуру: «... ядром общества как разновидности социальной системы является четвертый компонент — его интегративная подсистема. Поскольку мы интерпретируем социальную систему как интегративную для систем действия в целом, то особое внимание надо уделять тому, как она обеспечивает или, наоборот, не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции. Эта интегративная подсистема общества будет называться социетальным сообществом. Возможно, самой общей функцией социетального сообщества является сочленение системы норм с коллективной организацией, обладающей единством и внутренней логикой» [10, с. 22]. Социетальное общество Т. Парсонса, таким образом, не содержит в себе сами по себе культурные ценности, экономические или политические интересы, но обеспечивает их взаимодействие посредством нормативного регулирования с целью поддержания общественного порядка. Иными словами, если мы захотим описать какое-то общество в терминах Парсонса, то мы не сможем описать его только как социетальное, потому, что последнее есть лишь функция. Вопрос о том, какова же внутренняя, самостоятельная структура самого социетального общества, остается не выясненным. Дальнейшие рассуждения Т. Парсонса относятся к взаимодействиям социетального общества с культурой, экономикой и политикой.

Еще одним концептом, описывающим оценочные процессы в социуме, стало коллективное сознание, определенное Э. Дюркгеймом в работе «О разделении общественного труда». Коллективное сознание - форма социальной солидарности, которая определяется французским социологом как «более или менее организованная совокупность верований и чувств, общих всем членам группы...Солидарность, вытекающая из сходств, имеется тогда, когда коллективное сознание точно покрывает все наше сознание и совпадает с ним во всех точках; но в этот момент наша индивидуальность равна нулю» [11]. Коллективное сознание, согласно Дюркгейму, характеризует общество на ранних этапах его эволюции, общественный же прогресс идет по пути усиления индивидуального и, соответственно, снижения значимости коллективного. Коллективный тип социальной солидарности Дюркгейма охарактеризован им как свойственный примитивным обществам и как утрачивающий свою собственно коллективную сущность по мере дальнейшего общественного разделения труда.

Если социетальное общество Парсонса - инвариантная структура общества, выделяемая и преломляющаяся специфически на всех его исторических этапах, то коллективное сознание Дюркгейма - преходящий элемент, противопоставляемый формам социальной солидарности в обществах со сложным разделением труда. Однако и то, и другое понятие фиксируют наличие некоего центра, вокруг которого формируется социальная структура и который или включает в себя оценки (или то, что к ним сводимо - верования, чувства, которые, по выражению Дюркгейма, будучи разделенными группой неизбежно внушают сознаниям «почтительное уважение») или нормативно регулирует их взаимодействия в разных подсистемах общества.

И Парсонс, и Дюркгейм существенно опирались на теорию идеальных типов М. Вебера, понимаемых Вебером как некий конструкт, лежащий в основе понимания социальных действий разных видов: «посредством сопоставления поведения того или иного характера с соответствующим идеальным типом устанавливаются

каузально релевантные иррациональности (в каждом случае в различном смысле слова) для осуществления каузального сведения» [12, с.53].

Выделенные М. Вебером, Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом во многом синонимичные, если и не всегда явно, то по внутренней интенции и даже по схемам приложения, структуры, однако, относятся, к обществу в целом, как к некоему в целом централизованному объекту, развивающемуся восходящим (пусть даже и бесконечно) образом. Присутствуют попытки вскользь представить более частные социальные структуры, однако эти идеи остаются не разработанными и не фигурируют в концептуальных положениях, названиях глав программных работ и т.д. Это объясняет некоторую, как ни странно при всей внешней четкости и даже схематизированности изложения (в особенности, у Парсонса), аморфность выделенных структур, их растворенность во всех социальных институтах одновременно.

Возникает требующая разрешения коллизия. Социальность «прошита» оценочными процессами и структурами, вырабатывающими и хранящими оценки. Именно такие процессы и структуры обеспечивают объединенность в случае сходства и становятся фактором разобщенности в случае несовпадений групп внутри общества, разных обществ и цивилизаций. О таких конструктах говорят многие авторы; среди них - основоположники современного обществознания, в работах которых основным объектом является "общество вообще", а формирующий его оценочный центр рассматривается как общий для социума как такового, которое тогда выглядит как изначально централизованное в целом неким единым центром - или образующий идеальный тип, или являющийся коллективным сознанием, или выполняющим нормативно-регулятивную функцию социетального общества. Постмодернистский демонтаж моноцентристской модели социума, впечатляюще осуществленный, прежде всего, Делезом и Гваттари в «Номадологии», а также реальные исторические события, произошедшие и в мире, и в нашей стране во второй половине XX века и уже в минувшем первом десятилетии века XXI, позволяют говорить о множественной центрации общественной жизни на разных уровнях. В этой связи хотелось бы репрезентировать такой объект, который бы не обязывал нас принять моноцентристскую концепцию общества (да еще и с западным обществом, взятым за идеал, как это имеет место у Парсонса, например), но при этом выполнял бы организующую функцию в отношении устойчивых социальных объединений. Тогда нам удалось бы избежать крайностей постмодернизма, который, как известно, был врагом всякой устойчивости.

Нам представляется, что организующим центром устойчивых социальных образований является некая целостность – назовем ее *валюатив*, которую можно задать систематически как упорядоченную n-ку элементов и которая характеризуется следующими идентификационными показателями:

V₁. Ценности:

- доминирующие (или иногда – доминирующая)
- производные

V₂. Нормы и традиции:

- правовые нормы;
- не закрепленные в правовых документах нормы поведения и морали в целом;
- запреты и разрешения;

- традиции;
- наказания и поощрения

V₃. Пантеон героев и портреты антигероев:

- собственно имена;
- биографии, мифы и легенды, жизнеописания героев и антигероев;
- места почитания живущих героев;
- пантеоны в буквальном смысле – места захоронения героев

V₄. Язык описания валюатива:

- оценочные маркеры: языковые грамматические и лексические эквиваленты ценностей, норм, возвеличивающие или уничижающие языковые выражения или стили речи (см., например, [13], [14] [15]);

- предложения и тексты, содержащие такие маркеры (о структуре таких предложений и текстов см., в частности, [16], [17]);

V₅. Культура и искусство

V₆. Идеология

Как правило, уже сформировавшийся и действующий валюатив развитого сообщества обладает всеми вышеперечисленными идентификационными показателями. Если же речь идет о модели некоего социального конструкта, то в таком случае допустимы какие-то «пробелы», но в не в основных строчках (которые в нашей записи пронумерованы), а в некоторых составляющих основные строчки пунктах. Наконец, отметим, что никакая из основных строчек валюатива не сводима к какой-либо другой его строке целиком.

Одним из ярчайших валюативов, разработанных философами, является валюатив сверхчеловека Ницше.

Покажем здесь, что в конструкте сверхчеловека реализуется валюатив, предварительно отметив, что подробная детализация составляющих валюатива сверхчеловека выходит за рамки настоящей публикации и является предметом отдельной статьи.

Будем опираться, прежде всего, на работы «Так говорил Заратустра», «Воля к власти», «Антихристианин», «По ту сторону добра и зла», «Рождение трагедии из духа музыки».

Первоначально выделим вслед за Ницше валюативный объект: «в единичных случаях на различных территориях земного шара и среди различных культур, удастся проявление того, что фактически представляет собою высший тип, что по отношению к целому человечеству представляет род сверхчеловека. Такие счастливые случайности всегда бывали и всегда могут быть возможны. И при благоприятных обстоятельствах такими удачами могут быть целые поколения, племена, народы» [18, с. 634]; это тип человека, который «следует взрастить», который «желателен, как более ценный, более достойный жизни, будущности» [там же]. «Сверхчеловек - смысл земли» [19, с. 300]. Оценочность приведенных определений очевидна.

Теперь идентифицируем конструкт сверхчеловека как валюатив.

V₁. Ценности.

Базовая ценность для валюатива сверхчеловека – власть как целевой объект направленной воли. Волевой акт – единственно возможный путь к обретению всех подлинных в данном валюативе ценностей.

Производны от базовой ценности свобода (понимаемая предельно широко: от свободы поступков до свободы познания), война (также широко трактуемая как война с псевдоценностями и их носителями, слабостями внутри нас и т.п.), жизнь. Приведем «свидетельства» из текстов Ницше:

«Еще свободной стоит для великих душ свободная жизнь» [там же, с. 332].

«Жизнь не имеет иных ценностей, кроме степени власти, если мы предположим, что сама жизнь есть воля к власти» [20, с. 24].

«Оценка, с которой в настоящее время подходят к различным формам общества, во всех отношениях сходна с той, по которой миру придается большая ценность, чем войне, но это суждение антибиологично, оно само порождение декаданса жизни... Жизнь есть результат войны, само общество есть средство для войны...» [там же, с. 53].

V₂. Нормы и традиции

Система правовых норм не разработана Ницше, равно как и системы правовых запретов и наказаний. Отсутствует и разработка системы поощрений. Что же касается традиций – их также пока еще и не могло быть. Традиционалистское сознание коллективно, а сверхчеловек у Ницше – отдельно встречающиеся индивиды, которым еще только предстоит объединиться.

Неправовые нормы даны Ницше как ответы на вопросы о том, что хорошо, а что плохо, - в работе «Антихристианин»:

«Что хорошо? — Всё, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть.

Что дурно? — Всё, что происходит из слабости.

Что есть счастье? — Чувство *растущей* власти, чувство преодолеваемого противодействия...

Что вреднее всякого порока? — Деятельное сострадание ко всем неудачникам и слабым — христианство» [18, с. 633].

Нормы содержатся также во фрагменте о тех, кого «любит» Заратустра. Эти фрагменты написаны Ницше в стиле известных новозаветных блаженств со всей поэтичностью, некоторой неясностью, затененностью изложения, требующей усилия прочтения и, конечно же, метафорически. Приведем показавшиеся нам наиболее яркими:

«Я люблю великих ненавистников, ибо они великие почитатели и стрелы тоски по другому берегу...

Я люблю того, чья душа расточается, кто не хочет благодарности и не воздает ее: ибо он постоянно дарит и не хочет беречь себя ...

Я люблю всех тех, кто являются тяжелыми каплями, падающими одна за другой из темной тучи, нависшей над человеком: молния приближается, возвещают они и гибнут, как провозвестники» [19, с. 301-302].

V₃. Пантеон героев и портреты антигероев

Герои:

- имена героев, непосредственно встречающиеся в текстах Ницше: Цезаре Борджиа, Наполеон.

- характеристика героев:

- Заратустра – пророк, прообраз сверхчеловека;
- Цезаре Борджиа («бессмертно здоровый, бессмертно веселый и удачливый» –

в «Антихристианине»);

- Наполеон («Какое благодеяние, какое освобождение от нестерпимого гнета вопреки всему приносит с собою для этих стадных животных, европейцев, появление какого-нибудь неограниченного повелителя - последним великим свидетельством этому служит действие, произведенное появлением Наполеона: история этого действия есть почти что история высшего счастья, которого достигло все текущее столетие в лице самых ценных людей своих и в самые ценные мгновения» [21, с.648].

Антигерои: Христос - главный антигерой; Сократ, Платон как ученик Сократа, Кант как автор категорического императива и ряд других примыкающих к вышеперечисленным;

Метафоры *героев* и *антигероев*: образы животных (используемых часто в геральдической символике) и образ ребенка:

- орел («самое гордое животное»);
- змея («самое умное животное»),

а также концептуально значимые антигерой дракон как символ враждебного свободному духу долженствования, верблюд, лев и ребенок как стадии трансформации духа на пути к свободе и другим новым ценностям:

- верблюд как выносливый дух («Все самое трудное берет на себя выносливый дух») [19, с. 312];
- дракон, с которым необходимо бороться («Ты должен» называется великий дракон», «Чешуйчатый зверь «ты должен», искрясь золотыми искрами, лежит...на дороге. и на каждой чешуе его блестит, как золото, «ты должен» [там же]);
- лев, в которого превращается верблюд в пустыне и который добывает свободу для создания новых ценностей («дух льва говорит «я хочу»...Завоевать себе свободу и священное. Нет даже перед долгом - для этого...нужно стать львом» [там же]);
- ребенок, который создает новые ценности («Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра...начальное движение, святое слово утверждения...для игры созидания...нужно святое слово утверждения: *своей* воли хочет теперь дух, *свой* мир находит теперь потерявший мир» [там же, с. 312-312]).

V₄. Язык описания валюатива

В настоящей публикации мы имеем дело с переведенными с немецкого языка на русский текстами Фридриха Ницше. В дальнейшем мы исследуем оригинальные тексты на предмет обнаружения в них оценочных маркеров, содержащихся и в грамматических структурах. Здесь же мы ограничимся выделением лексически выраженных оценок, содержащихся в семантике употребленных слов. Отметим, что в текстах немецкого философа, за редчайшим исключением, не встречаются неоценочные высказывания. Связано это с общей интенцией его философии - интенции переоценки всех ценностей. Высказывания Ницше о сверхчеловеке, ценностях, нормах, героях и антигероях - вообще о составляющих валюатива, кроме языка как такового, представляют собой элементы объектного языка, оценочного по своему внеязыковому содержанию. Но кроме того, Ницше говорит и о свойствах этого объектного языка - о том, на каком языке следует говорить и писать о новых ценностях. И эти высказывания также оценочны, содержат сравнения с

предшествующими стилями философствования, нелестные для последних, прокламируют необходимость нового языка - величественного, поэтического и т.п. Эти рассуждения отнесем к метаязыковым. Мы предлагаем это известное сечение языка на объектный и мета- для того, чтобы показать: Ницше искал, и находил среди них ярчайшие, в естественном языке формы, которые мы относим к оценочному субъязыку естественного языка. Как видно по работам Ницше, на таком субъязыке могут быть написаны целые тексты.

Так, например, в «Так говорил Заратустра» во фрагменте «О чтении и письме» встречаем следующий оборот: «Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью» (клятвенная коннотация очевидна) [19, с. 322]; в тексте «Воля к власти» – «Великие предметы требуют, чтобы о них молчали или говорили величественно...» [20, с. 322]; наконец, в «Рождении трагедии из духа музыки» встречаем свидетельства неудовлетворенности Ницше прежним языком и даже тем, которым писался знаменитый текст. Приведем здесь большую, но характеристическую цитату для описываемого фрагмента валлоатива: «Как жалею я теперь, что не имел...достаточного мужества (или нескромности?), чтобы позволить себе во всех случаях для столь личных воззрений и дерзаний и свой личный язык, - что я кропотливо старался выразить шопенгауэровскими и кантовскими формулами чуждые и новые оценки, которые по самой основе своей шли вразрез с духом Канта и Шопенгауэра, не менее чем с их вкусом! ...О, со сколь иной речью обращался ко мне Дионис!» [22, с. 54] и несколько выше: «Ей бы следовало петь, этой "новой душе", - а не говорить! Как жаль, что то, что я имел тогда сказать, я не решился сказать как поэт: я бы, пожалуй, это смог!» [там же, с. 51]

V₅. Культура и искусство

Культура прошлого и настоящего отрицается Ницше. Лики современной Ницше культуры видятся ему как «исписанные знаками прошлого, а поверх этих знаков намалеванные новыми знаками» [19, с. 386]. Подлинная культура еще только должна сложиться, мысли о ней - мысли о будущем: «...люблю я еще только *страну детей моих*, неоткрытую, лежащую в самых далеких морях...» [там же, с. 387].

Искусство должно являть собою, как известно всем, кто знаком с творчеством Ницше, единство аполлоновского и дионисийского начал - стихий сна и опьянения: «...в сознании человеческого индивида эта основа всяческого существования, это дионисическое подполье мира может и должно выступать как раз лишь настолько, насколько оно может быть затем преодолено аполлонической просветляющей и преображающей силой, так что оба этих художественных стремления принуждены, по закону вечной справедливости, развивать свои силы в строгом соотношении. Там, где дионисические силы так неистово вздымаются, как мы это видим теперь в жизни, там уже, наверное, и Аполлон снизошёл к нам, скрытый в облаке; и грядущее поколение, конечно, увидит воздействие красоты его во всей его роскоши» [22, с. 156].

Есть и провозвестники нового искусства, Ницше указывает прямо на такие прецеденты (например, вагнеровское заключение «Нибелунгов» в период своего увлечения Вагнером).

V₆. Идеология

Негативистская идеология у Ницше апеллирует к нигилизму как к неизбежной, объективной, внутренне присущей современным немецкому философу науке,

культуре, политике и экономике тенденции, ведущей к их гибели, и одновременно - как к активной идеологической позиции субъекта по отношению к старым ценностям: «Высшие ценности, в служении которым должна была бы состояться жизнь человека, в особенности тогда, когда они предъявляют к нему самые тяжелые и дорого обходящиеся требования, эти социальные ценности — дабы усилить их значение, как неких велений Божьих, - были воздвигнуты над человеком как «реальность», как «истинный» мир,

как надежда и грядущий мир. Теперь, когда выясняется низменный источник этих ценностей, тем самым и вселенная представляется нам обесцененной, «бессмысленной»... но это только переходное состояние» [20].

В заключение отметим, что обнаруженная нами структура, как принято его называть - идеала сверхчеловека или «смутного поэтического образа» [23, с. 8], образа учителя «вечного возвращения и сверхчеловека» [24, с. 65] позволяет идентифицировать его как валюатив, в данном случае, - персонифицированный. Все основные показатели валюатива оказываются идентифицированными. Валюативный фокус видения философии Ницше открывает возможность новой трактовки концепта сверхчеловека: именно он центрирует все творчество немецкого философа. «Учение о власти», «учение о морали», «учение о религии», «эстетические взгляды» и т.д. организованы вокруг одной персоны - носителя ценностей, норм, идеала для героев, творящего новую культуру, искусство и идеологию, создающего новый язык.

Вывод. Среди всего многообразия социальных процессов особое место занимают оценочные. Оценочность - одно из родовых свойств социального. Оценочные процессы являются центрированными и способными выполнять организующую функцию для относительно устойчивых сообществ. Роль центра играет выделенная нами комплексная целостность - валюатив, характеризующаяся константными в основных позициях идентификационными показателями, такими, как: ценности, нормы, пантеоны героев, язык описания, культура и искусство, идеология.

Эвристичность валюативной модели оценочных феноменов и процессов открывает новые перспективы их исследования, выявления новых валюативов на разных уровнях социальной структуры, экспликации оценочных оснований (т.е. сходства и различий валюативов) взаимоотношений между представителями разных социальных слоев, субъектами разных социальных институтов, носителями разных культур, представителями разных сосуществующих цивилизаций.

Список литературы

1. См., например, следующие названия диссертаций по филологическим наукам: Лим Су Ен Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов с общим значением оценки. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук : 10.02.01. - М., 2001; Макшанцева Е. А. Специфика оценочного компонента в структуре значения юридического термина: на материале русского и английского языков. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.19. - Саратов, 2001; Полякова, Елена Владимировна «Отрицательная оценка в русских письмах». Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.01 Саратов, 2001 Калкина Е.Н. Структурно-семантическая характеристика средств выражения категории оценки в немецком и алтайском языках: в антропоцентрическом аспекте. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.20.- Казань, 2005; Косиченко Е. Ф. Прецедентное имя как

- средство выражения субъективной оценки. Дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук: 10.02.19. - М., 2006
2. Щипицына А.А. Соотношение дескриптивных и оценочных прилагательных в британском политическом медиа-дискурсе // Политическая лингвистика. – Выпуск 2(22). – Екатеринбург, 2007. – С. 93-98.
 3. Маслоу А. Мотивация и личность /А. Маслоу; пер с англ. А.М. Талыбаевой; терминолог. правка В. Данченко. – Спб.: Евразия, 1999. – 479 с.
 4. Косович В.М. Оцінювання і оцінки в правовому регулюванні: автореф. дис. на здобуття наук. ст. канд. юрид. наук: спец.: 12.00.01 - «теорія та історія держави і права» / В.М. Косович. – Львів, 1996. – 22 с.
 5. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. на здоб. наук. ст. канд. юридичн. наук: 12.00.09 - «уголовный процесс, криминология и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» / С.С.Безруков. – Омск, 2001. – 220 с.
 6. Джинджолия Р.С. Унификация оценочных признаков при квалификации преступления против личности / Р.С. Джинджолия. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – 271с.
 7. Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права: Учебник для вузов. 2-е изд., изм. и доп. / Т.В. Кашанина, А.В. Кашанин. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА • М), 2000. – 800 с.
 8. Якуба Е.А. Социология. Уч. пос. для студентов / Е.А. Якуба. - Харьков: "Константа", 1996. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.soc.univ.kiev.ua/LIB/PUB/Y/YAKUBA/yakuba.pdf> ..
 9. Диаконов В.В. Учебное пособие по теории государства и права /В.В. Диаконов. - Электронный ресурс. Режим доступа: [http://www. Allpravo.RU](http://www.Allpravo.RU).
 10. Парсонс Т. Система современных обществ/Т. Парсонс; [пер с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева]; под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998.-270с.
 11. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-o-razdelenii-obschestvennogo-truda>
 12. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произв. - М.: Прогресс, 1990. - С. 495-457
 13. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. - М.: Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
 14. Миронова Н.Н. Структура оценочного дискурса: дисс. на соиск. уч. ст. д-ра филол. н.: 10.02.19. - М., 1998. – 355с. / Н.Н.Миронова // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/183566.html>.
 15. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 896 с.
 16. Коротченко Ю.М. Некоторые вопросы современной теории оценочных суждений / Ю.М. Коротченко // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Серия: «Философия». «Социология». - 2011. – Том 24(63), №1. – С. 230-236
 17. Коротченко Ю.М. Логический стандарт оценочных рассуждений // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: «Философия». «Социология».-2008. – Том 21 (60), №4. – С. 173-177.
 18. Фридрих Ницше. Антихристианин // Ницше Ф. Соч. в 2т. - М.: Мысль, 1990. - Т2. – С. 631-692.
 19. Ницше Ф. Так говорил Заратустра/Ф. Ницше // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во "Фолио", 2001. - с. 295-556
 20. Ницше Ф. Воля к власти / Ф. Ницше; пер. с нем. Е. Герцык. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/nietzsche/volya.html>
 21. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во "Фолио", 2001. - с.557-748
 22. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Ф. Ницше // Ницше Ф. Соч. в 2т. Т1. - М.:Мысль, 1990. - С. 47-157
 23. Блюменкранц М.А. Рождение философии из духа трагедии / А.М. Блюменкранц // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Сочинения. - М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во "Фолио", 2001. - с. 3-10.
 24. Хайдеггер М. Кто такой Заратустра у Ницше? / М. Хайдеггер; перевод с немецкого и

примечания И. В. Жук. - Топос.- М., 2000. №1. - С.50-65.

Коротченко Ю.М. Валюатив: досвід структурного визначення // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 34-44.

У статті репрезентовано новий об'єкт - валюатив, якого визначено як комплексну цілісність, що має низку ідентифікаторів та як центр, що організує оціночні процеси у суспільстві. Систематично задана структура валюативу, надана характеристика конструкту надлюдини як прецедента валюативу

Ключові слова: оцінка, оціночні процеси, валюатив, валюатив надлюдини

Korotchenko Y.M. Valuative: an experience of structural definition // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol.24 (63). – № 3-4. – P. 34-44.

It is represented in the article the new object, "a valuative", which is defined as complex wholeness with number of indexes and which organizes the evaluative processes in society. The structure of the valuative is systematically defined and the the characteristics for the valuative of overman is given

Key words: evaluation, evaluative processes, valuative, valuative of overman

Статья поступила в редакцию 09.09.2011.